

4. Суперанская А. В. Общая теория имени собственного / А. В. Суперанская. – М. : Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. – 368 с.
5. Gardiner A. H. The theory of proper names: A controversial essay / A. H. Gardiner. – London – New York : Oxford University Press, 1957. – 450 p.
6. Hirsh E. D. Jr., Kett J. F., Trefil J. The New Dictionary of Cultural Literacy: What Every American Needs to Know. – Boston – New York : Houghton Mifflin, 2002. – 669 p.
7. Hirsch E. D. A first dictionary of cultural literacy / E. D. Hirsch. – Boston : Houghton Mifflin, 1989. – 370 p.

References

1. Ahmanova O. S. Slovar' lingvisticheskikh terminov. – M., 1969. – 703 s.
2. Il'enko S. G. O nedugah shkol'nogo obucheniya otechestvennoj slovesnosti // Vestnik Gercenovskogo universiteta. – 2009. – № 1. – S. 57–61.
3. Stompel' E. M. Semantika i struktura sredneanglijskih koordinativnyh binomov, jelementy kotoryh soedineny sojuzom and : dis. ... kand. filol. nauk. – Leningrad, 1982. – 195 s.
4. Superanskaja A. V. Obwaja teorija imeni sobstvennogo. – M. : Knizhnyj dom «LIBRO-KOM», 2009. – 368 s.
5. Gardiner A. H. The theory of proper names: A controversial essay. – London – New York : Oxford University Press, 1957. – 450 p.
6. Hirsh E.D. Jr., Kett J. F., Trefil J. The New Dictionary of Cultural Literacy : What Every American Needs to Know. – Boston – New York : Houghton Mifflin, 2002. – 669 p.
7. Hirsch E. D. A first dictionary of cultural literacy. – Boston : Houghton Mifflin, 1989. – 370 p.

ПРОЦЕССЫ ФОНОЛОГИЧЕСКОЙ КАТЕГОРИЗАЦИИ ПРИ ПОЗДНЕМ БИЛИНГВИЗМЕ

Завьялова Виктория Львовна, кандидат филологических наук, Школа региональных и международных исследований, Дальневосточный федеральный университет, 690600, г. Владивосток, ул. Алеутская, 56, e-mail: zavyalova_v_l@pacific.dvfu.ru.

В статье поднимаются вопросы, посвященные особенностям фонологической категоризации при позднем билингвизме, а также выявлению лингвокогнитивных основ взаимодействия языков на фонетико-фонологическом уровне с привлечением данных нейрофизиологии. Исследуются принципиальная возможность овладения вторым языком в зрелом возрасте, механизмы формирования фонологических категорий второго языка, процессы интерференции языковых и ментальных структур, а также причины возникновения фонетического акцента в речи на неродном языке.

Ключевые слова: фонологическая категоризация, поздний билингвизм, когнитивные основы фонологической интерференции, фонетический акцент.

PROCESSES OF PHONOLOGICAL CATEGORIZATION IN LATE BILINGUALISM

Zavyalova Victoria L., Candidate of Philology, Regional and International Studies School, Far Eastern Federal University, 690600, Vladivostok, Aleutskaya St., 56, e-mail: zavyalova_v_l@pacific.dvfu.ru.

The article raises the issues related to the peculiarities of phonological categorization in late bilingualism, and to the linguocognitive basis for two languages interaction at the phonological level, with some references to the neurophysiology data. The author examines such questions as the possibility of gaining full command of a second language in adulthood, mechanisms of forming L2 phonological categories, processes of language and mental structures' interference, as well as the reasons for phonetic accent in the speech of non-native speakers.

Key words: phonological categorization, late bilingualism, cognitive basis for phonological interference, phonetic accent.

Настоящая статья посвящена изучению особенностей фонологической категоризации¹ в ментальном пространстве² билингва³, а также выявлению лингвокогнитивных основ модификации звуковых образов второго языка под влиянием звуковой системы родного языка на этапе становления билингвальной личности при позднем билингвизме⁴. Исходным является положение о том, что процессы языковой категоризации у моно- и билингвов отличны в силу различий в структуре формируемого в сознании языкового пространства⁵. Анализ этапов становления фонологических когнитивных моделей, структурирующих языковое пространство билингва, позволяет осуществить моделирование закономерностей функционального взаимодействия языков на фонетико-фонологическом уровне. В спектр исследовательских задач при этом входят вопрос о принципиальной возможности достижения достаточного уровня владения вторым языком с точки зрения лингвокогнитивных способностей человека, механизмы формирования фонологических категорий⁶ второго языка, процессы интерференции языковых (включая звуковые) и ментальных структур, а также причины возникновения фонетического акцента в речи на неродном языке. Исследование такого рода направлено на поиск способов совершенствования методик обучения иностранному языку, с одной стороны, и на выработку коммуникативных стратегий при восприятии акцентной речи, с другой. Актуальность работы определяется необходимостью достижения взаимопонимания в речевом общении на английском языке как посреднике в контексте контакта двух и более культур в современном мире.

Исходя из понимания языка как одного из модусов когниции⁷, можно предположить, что устойчивость лингвокогнитивных связей, формирующихся в результате взаимодействия ментального пространства и пространства родного языка, становится достаточно мощным барьером при изучении второго языка в зрелом возрасте. В этой связи закономерен вопрос о возможности полного овладения вторым языком с точки зрения лингвокогнитивных способностей взрослого человека. Еще в начале прошлого столетия (1929–1934 гг.) Л.С. Выготский на основании многолетних исследований выдвинул положение о том, что мышление и речь представляют собой функционально взаимосвязанные, но генетически самостоятельные системы [2]. В когнитивных исследованиях его последователей признается, что мышление действительно осуществляется без обязательного обращения к языку: инструментом мышления выступает универсальный предметный код – нейрофизиологический субстрат мышления, некоторая психическая система, имеющая общую структуру для обработки информации о действительности, поступающей через разные органы чувств [5, с. 80]. При помощи универсального предметного кода принимающий речь преобразует ее в модель отрезка действительности, о котором сообщается, и «возникает денотат, учет которого соответствует акту понимания» [5, с. 80]. Такой предметный код рассматривается как «универсальный язык, с которого возможны переводы на все другие языки» [6, с. 36]. Этот «универсальный язык» содержит структуры глубинного семантического уровня

¹ Под категоризацией понимается когнитивный процесс осмысления объектов и явлений действительности, а также их свойств в рамках классов (категорий), результатом которого становится формирование когнитивных классификационных и дифференциальных признаков, которые выявляются в отдельных концептах и упорядочивают концепты в единую концептосферу. Фонологическая категоризация – когнитивное упорядочивание ряда акустических образов как членов одной категории (например, фонемная категоризация, слоговая категоризация, категоризация акцентно-ритмических структур, тоновая категоризация, интонационная категоризация и т.д.).

² Ментальное пространство понимается как среда концептуализации и мышления.

³ Билингв – лицо, владеющее двумя языками.

⁴ В данной статье анализируются лингвокогнитивные основы формирования фонологических категорий неродного языка у билингвов, изучающих иностранный язык в зрелом возрасте. Известно, что становление билингвальной личности в детском возрасте происходит иначе.

⁵ Языковое пространство понимается в работе как континуум языковых знаков.

⁶ Нам близка «контейнерная» трактовка понятия *категория*, в которой категория рассматривается как некий контейнер, содержание или внутренние элементы которого отличны от внешних элементов, при этом среди внутренних элементов можно выделить определенные *прототипы* (эталоны), сходство свойств которых максимально. Наиболее полное описание подобной трактовки понятий *категория* и *прототип* представлено в работах Э. Рош и Дж. Лакоффа.

⁷ Человеческая когниция понимается как взаимодействие систем восприятия, репрезентации и продуцирования информации.

(глобальные универсальные семантические единицы, универсальную грамматику) [14], единицы долингвистического концептуального уровня [7] и представляет собой «язык мысли» [15], или «внутренний код интеллекта» [11]. В терминах нейрофизиологии, науки занимающейся изучением мозга и функций высшей нервной системы человека методами точных наук, таким кодом, или, скорее, его материальным субстратом, является «нейронный ансамбль стереотипности», в который объединены нейроны, несущие информацию о событии [17]; в терминологическом аппарате современной нейропсихолингвистики – это «ансамбль нейронных сетей», связанный с определенным отрезком действительности, то есть с означаемым [12]. При этом активация (*firing*) определенных ансамблей нейронных сетей происходит при поступлении стимула любой модальности (зрительного, слухового, тактильного и др.) [22]. Если представить изучение второго языка как процесс формирования альтернативного языкового подмодуса когнитивности, то можно говорить о допустимости подключения через него к «универсальному предметному коду», то есть о принципиальной возможности активации одних и тех же ансамблей нейронных сетей, на довербальном ментальном уровне в мозгу билингва с последующей (при производстве речи) или предшествующей (при восприятии речи) «материализацией» мыслей, эмоций, чувств и других ментальных сущностей через образовавшийся в сознании в результате овладения вторым языком комплексный биполярный языковой модус. Более того, рассматривая речевую деятельность вслед за Л.С. Выготским как процесс материализации мысли, облечения ее в форму слова [2], следует признать возможность формирования у билингва параллельного экспликативного речевого канала. Выбор языкового кода и речевого канала в каждом конкретном случае определяется коммуникативной ситуацией и факторами, обеспечивающими коммуникативную установку, главными из которых являются языковой код получателя сообщения и обстановка общения.

Следует отметить, что потенциальная осуществимость межъязыкового кодового переключения не означает беспрепятственного формирования альтернативного языкового подмодуса, поскольку это продолжительный динамический процесс, осложняющийся фактором интерференции как языковых (включая звуковые), так и ментальных структур в результате их взаимодействия на разных стадиях становления билингвальной личности¹. Именно этим фактором объясняется возникновение фонетического акцента, а также ошибок в выборе лексических средств вербализации, особенно культурно-маркированной лексики, синтаксических конструкций в речи на неродном языке, зачастую приводящих к досадным коммуникативным неудачам [4]. Фонетическая интерференция и акцент в речи на начальном уровне изучения второго языка при позднем билингвизме являются следствием фонетико-фонологической лакуарности² (отсутствия тех или иных фонем, типов слоговых структур, просодических явлений разного рода), несоответствия правил сочетаемости фонетико-фонологических единиц в изучаемом и родном языках, а также определенного акустико-артикуляторного сходства единиц звуковых систем двух языков³. Примеры межъязыковой звуковой лакуарности, расхождений в принципах фонотактики и вариативности использования акустических контрастов многочисленны: переднеязычные апикально-межзубные шумные щелевые согласные звуки [θ] и [ð], представленные в таких языках, как английский и испанский (например, англ. *thing* – вещь, *thus* – таким образом, исп. *cine* – кино, *cena* – ужин), не задействованы в системах

¹ Л.С. Выготский еще в 1928 г. подчеркивал, что «... всю проблему двуязычия следует брать не статически, а динамически...» [3, с. 395]. В исследовании Б.С. Котик показано также, что характер межполушарного взаимодействия в переработке слухо-речевых стимулов на втором языке изменяется в соответствии со стадиями развития двуязычия [8, 19]. Условно различают три стадии (уровня) в процессе овладения иностранным языком: базилект – начальный уровень, мезолект – средний уровень, акролект – продвинутый уровень.

² Фонологические лакуны – пустоты в соответствующих нишах фонологического пространства сопоставляемого языка, проявляющиеся в отсутствии фонетико-фонологической единицы в звуковой системе.

³ Большинство звуков в языках мира характеризуется некоторым сходством в силу относительной универсальности устройства слухопроизводительного аппарата человека. Тем не менее, в разных языках система звуковых оппозиций выстраивается по-разному, в зависимости от выделения тех или иных акустических признаков звуков в качестве дифференциальных.

фонем русского, французского, китайского, корейского и многих других языков мира; аспирация смычных взрывных [p], [t], [k] является дополнительным недистинктивным фонетическим признаком в английском и китайском языках, а в тайском языке выступает в качестве релевантного дистинктивного признака фонем [p^h], [t^h], [k^h], отличающего их от неаспирированных фонем [p], [t], [k] (например, [p^ha] – *брать*, [pa] – *бросать*; [ko kai] – *курица*, [k^ho k^hai] – *яйцо*); в корейском отсутствует оппозиция пар смычных взрывных согласных [p]-[b] и [k]-[g], фонематически значимая для большой группы европейских языков (например, традиционное блюдо корейской кухни может звучать и передаваться графически в латинизированном корейском алфавите в четырех вариантах: кор. *pulgogi-bulgogi-pulgoki-bulgoki*); консонантные сочетания [tl], [dl], которые запрещены звуковыми правилами восточных языков, допускаются системами русского и английского языков (русск. *длина*, *тлеть*, англ. *middle*, *little*), однако фонотактика последнего не допускает их использование в начальной позиции слова; фонетические системы тональных языков (китайский, вьетнамский, бирманский и др.) используют высокие характеристики звуков для смысловоразличения на уровне слова, в то время как в других языках высокие модификации задействованы в интонационном оформлении синтагмы и фразы (например, кит. *shù* – *черный блестящий*, *shú* – *почему*, *shǔ* – *жара*, *shū* – *книга*; англ. *Yes* – *Да* (*утверждение*), *Yes?* – *Да?* (*вопрос*), *Yes!* – *Да!* (*интонация заинтересованности*), *Yes...* – *Да...* (*интонация неопределенности, неуверенности*)).

Своеобразие звуковых систем языков мира становится определенным препятствием при их изучении взрослым человеком. Так, носитель русского языка, находящийся на базилектном уровне владения английским языком, при производстве и восприятии речи на изучаемом языке не дифференцирует такие пары слов, как *thin* – *sin*, *think* – *sink*, *bathe* – *base*, *both* – *boss*; в свою очередь, многие носители азиатских языков подменяют звук [θ] звуком [t], а [ð] – звуком [d]: *think* – *tink*, *three* – *tree*, *nothing* – *noting*, *there* – *dare*, *that* – *dat*, etc. Отсутствие губно-зубных щелевых фрикативных согласных звуков [f] и [v] в корейском языке приводит к появлению в английской речи корейцев фонетических дублетов, типа *coffee* – *copy*, *fork* – *pork*, *cough* – *cop*, etc. Запрет на использование консонантных кластеров в восточных языках может проявляться в базилектной (и мезолектной) английской речи китайцев, японцев, корейцев в явлениях плюси- или минус-сегментации (добавлении гласного звука между согласными или опущении одного или нескольких согласных звуков, соответственно): англ. *disco* – кит.англ. */disike/*, англ. *street* – яп.англ. */suturitu/*, англ. *precisely* – кор. англ. */pisaili/*, etc.¹

По мере продвижения в изучении второго языка происходит постепенная фонологическая категоризация звуковых единиц, отсутствующих в родном языке или отличающихся от эквивалентных единиц по ряду признаков. На акролектном уровне владения вторым языком сознание билингва не только начинает четко дифференцировать чувственную звуковую материю изучаемого языка и соотносить звуковые последовательности с определенными универсальными смыслами (универсальным предметным кодом), репрезентируемыми единицами этого языка, но и претерпевает определенные динамические изменения, вызванные образованием новых ансамблей нейронных сетей (при лингвокультурной лакуарности) или разветвлением уже имеющихся сетей за счет формирования дополнительных ментальных признаков объектов, культурно-обусловленных концептов и категорий².

Каким же образом происходит формирование новых языковых, в частности фонетико-фонологических, категорий в сознании человека при изучении второго языка?

¹ Анализ проводится на материале базы данных «Корпус образцов английской речи ДВ России и стран АТР: Russian-Asian Corpus of English (RACE)» [9].

² Примечательно, что способность билингва к вербализации приобретенных смыслов на акролектном уровне владения вторым языком не ограничивается средствами изучаемого языка: новые концепты и категории могут также актуализироваться, зачастую интерпретационно, единицами первичной языковой системы. Примером фонетической интерпретации особенностей звуковой системы другого языка может служить намеренная имитация иноязычного акцента средствами родного языка.

Следует отметить значимость и приоритетность построения системы звуковых оппозиций изучаемого языка, поскольку фонология как система звуковых образов выполняет роль символической репрезентации синтактико-семантических смыслов, а, значит, занимает центральное место в языковом способе доступа к мысли [13, 16, 18, 21]. Вследствие того что у взрослого человека родной язык представляет собой, хотя и продуктивное динамическое, но устойчивое образование, формирование вторичной языковой, в частности фонетической, системы в принципе не может осуществляться «с чистого листа». «При усвоении нового языка неизбежно вовлечение уже сформированных систем первого языка» [8, с. 234]. Известно, что фундаментальным свойством лингвокогнитивной системы человека, как и любой другой системы, является устойчивость, то есть способность противостоять внешним воздействиям, могущим привести к разрушению или модификации. Поэтому формирование билингвальных фонологических категорий осуществляется на базе уже сформированных устойчивых соизмеримых первичных категорий родного языка, что приводит к построению многомерных лингвокогнитивных фонологических моделей.

В любом языке категоризация звуковых единиц, участвующих в формировании облочек значимых единиц и в смысловоразличении, осуществляется по трем принципам: контрастивному, признаковому и аллофоническому. Свойства фонетического контраста позволяют отличить одну фонологическую единицу от другой, признаковые – охарактеризовать материальную акустико-артикуляторную структуру единицы, в то время как аллофонические признаки дают возможность определить спектр звуковых единиц, находящихся между собой в отношениях дополнительной дистрибуции в системе данного языка. Представляется, что фонетическая система второго изучаемого языка выстраивается в сознании билингва на аналогичных принципах, причем формирование базовых звуковых прототипов единиц всех языковых уровней происходит по принципу сходства / отличия с уже сформированными эталонами родного языка. В случае абсолютной лакунарности фонетико-фонологической категории формируется новая категория, характеризующаяся свойствами контраста как по отношению к имеющимся эталонам родного языка, так и по отношению к звуковым единицам новой языковой системы. Например, фонемная категоризация вышеописанных фонем английского языка [θ] и [ð] в языковом пространстве носителя русского языка на мезолектном уровне выстраивается сначала в оппозицию к звукам родного языка: [θ] ≠ [с], [ð] ≠ [з], а впоследствии – к звукам изучаемого языка: [θ] ≠ [s], [ð] ≠ [z]. Аналогичным образом происходит формирование фонологического признака палатальности при изучении русского языка (например, в парах русск. *мел* – *мель*, *сел* – *сьел*) англоязычными студентами, в родном языке которых фонологической контраст по палатальности / непалатальности не используется [10, 20].

Однако в силу относительной универсальности слухопроизносительного аппарата человека большинство звуков в языках мира имеют определенное сходство акустических и кинестетических признаков. Во многих языках используются фонологические контрасты по высоте, громкости, длительности, шумности/сонорности, звонкости/глухости, смычности/щелевости, открытости/закрытости (для гласных фонем) и т.д. Вследствие этого значительная часть вторичных фонологических категорий на начальном этапе формируется по аллофоническому принципу, а, как известно, аллофонические категории в звуковой модели языка находятся в оппозиции к базовым и могут быть описаны в терминах ядерных и периферийных классификационных признаков. Базилектные билингвальные аллофонические фонологические концепты строятся на основе категорий, сформированных базовыми акустико-артикуляторными характеристиками звуковых единиц родного языка, составляющих ядро концепта, и периферийными – соотносимыми категориями изучаемого языка. Аналогом такого процесса может служить формирование диалектных категорий и концептов, описанных Н.Н. Болдыревым и В.Г. Куликовым [1]. Исследователи отмечают, что в основе формирования диалектных концептов лежит *базовый когнитивный механизм сравнения* (курсив наш – З.В.), который служит «пусковым механизмом» категоризации, при этом устанавливается сходство/отличие новой единицы (языковой единицы изу-

чаемого языка) и сравнимой единицы родного языка, имеющейся в информационном тезаурусе человека [1]. Отметим, что сходство единиц двух языков выступает в качестве основания для соотнесения, в то время как отличительные признаки маркируются как специфические для данного языкового сообщества, как территориальные, то есть как диалектные.

На наш взгляд, в отличие от диалектных категорий и концептов, по мере совершенствования слухопроизводительных навыков второго языка и завершения процесса вторичной фонологической категоризации (на акролектном уровне) звуковые системы двух языков становятся относительно автономными ментальными образованиями, образуя подмодули комплексного биполярного языкового модуля. Подтверждением могут служить данные нейрофизиологических исследований, выполненных с применением методик магнитно-ядерного резонанса и констатирующих, что при внутреннем проговаривании на разных языках у поздних билингвов (средний возраст к началу овладения вторым языком 11,5 лет) центры максимальной активности в области Брока¹ расположены на определенном расстоянии [цит. по: 8, с. 232]. Можно предположить, что при позднем билингвизме нейронные ансамбли звуковых категорий формируют более крепкие внутренние нейронные связи, соответствующие каждому отдельному языку. По завершении процессов вторичной фонологической категоризации, когда звуковые категории второго языка выстраиваются уже не в оппозиции к звуковым категориям родного языка (по аллофоническому принципу), а друг к другу в пределах изучаемого языка (по контрастивному принципу), формируется единое семантическое пространство² двух языков, которое вкупе с фонологическими категориями создает особое лингвокогнитивное пространство в сознании билингва. Именно в этом случае можно говорить о формировании двух относительно самостоятельных языковых, и в частности, фонологических подмодулей и экспликативных речевых каналов, которые могут свидетельствовать об относительно равноправном владении билингвом двумя языками, с помощью которых возможна репрезентация ментальных структур глубинного уровня. Следует отметить, что фонологическая категоризация не ограничивается созданием в сознании билингва четкой системы оппозиций сегментных единиц, но включает также ассимилятивные и супрасегментные звуковые процессы, которым подчиняются схемы более крупных единиц: слогов, морфем, слов и словосочетаний, фраз и целых текстов. На завершающей стадии вторичной фонологической категоризации происходит, по-видимому, формирование интонационных категорий, поскольку интонация представляет собой наиболее устойчивый признак просодической системы языка. Овладение интонацией второго языка означает совершенное знание языка, поскольку позволяет передавать экстралингвистическую информацию (эмоции, подтекст, намерения, позицию говорящего и т.д.). Например, английская фраза *Welcome back!*, произнесенная с разным интонационным оформлением, может означать и искреннюю радость возвращения собеседника, и недовольство, и глубокий сарказм.

Таким образом, вторичная фонологическая категоризация, как и организация языковых категорий второго языка в целом, – процесс динамический и, соответственно, уровень владения или стадия формирования двуязычия являются важными факторами, которые необходимо учитывать в исследованиях. Наиболее продуктивным при изучении фонологических проблем позднего билингвизма следует признать системно-динамический подход [8]. Следует говорить, по-видимому, о поэтапном образовании комплексной структуры языкового модуля когниции и формировании параллельных экспликативных речевых каналов двуязычной личности, в ментальном пространстве которой в результате формирования новых лингвокогнитивных связей, привносимых вторым языком, выстраиваются новые и усложняются по структуре и содержанию уже имеющиеся концепты и категории.

¹ Область Брока – моторный центр речи, зона мозга, ответственная за воспроизведение речи.

² Семантическое пространство языка – то же, что и языковая картина мира.

Список литературы

1. Болдырев Н. Н. Диалектные концепты и категории / Н. Н. Болдырев, В. Г. Куликов // *Филологические науки*. – 2006. – № 3. – С. 41–50.
2. Выготский Л. С. Мышление и речь / Л. С. Выготский. – М. : Наука, 1956. – 385 с.
3. Выготский Л. С. Собрание сочинений : в 6 т. / Л. С. Выготский ; под ред. А. М. Матюшкина. – М. : Педагогика, 1983. – Т. 3. Проблемы развития психики. – 368 с.
4. Завьялова В.Л. Интерференция звуковых систем английского и восточных языков / В. Л. Завьялова // *Вестник Российского университета дружбы народов*. Серия: Лингвистика. – 2012. – № 2. – С. 94–101.
5. Жинкин Н. И. Речь как проводник информации / Н. И. Жинкин. – М. : Наука, 1982. – 157 с.
6. Жинкин Н. И. О кодовых переходах во внутренней речи / Н. И. Жинкин // *Жинкин Н.И. Язык – речь – творчество*. – М. : Лабиринт, 1998. – С. 146–162.
7. Котик В. С. Межполушарное взаимодействие у человека / В.С. Котик. – Ростов н/Д. : Изд-во Ростов. ун-та, 1992. – 173 с.
8. Котик-Фридгутет В. С. Системно-динамический подход по А.Р. Лурия к афазии у билингвов / В. С. Котик-Фридгутет // *I Международная конференция памяти А.Р. Лурия : сб. докл. / под ред. Е. Д. Хомской, Т. В. Ахутиной*. – М. : МГУ, 1998. – С. 231–236.
9. Корпус образцов английской речи ДВ России и стран АТР: Russian-Asian Corpus of English (RACE). Рег. номер 2011620408 (01.06.2011) / сост.: Завьялова В. Л., Горбенко С. А., Бондаренко Л. П., Полянская М. А., Ищенко Н. Л. // *Официальный бюллетень Федеральной службы по интеллектуальной собственности, патентам и товарным знакам «Программы для ЭВМ, базы данных, топологии интегральных микросхем»*. RU ОБПБТ № 3 (76). – М. : ФГУ ФИПС, 2011. – С. 630.
10. Куликов В. Г. Формирование новых фонологических категорий в процессе изучения иностранного языка: усвоение американскими студентами палатализации в русском языке / В. Г. Куликов // *II Международный конгресс по когнитивной лингвистике*. – Тамбов, 2008. – 822 с.
11. Лебединский С. И. Восприятие устной научной речи: стратегии сегментации звучащей речи и идентификации терминов : монография / С. И. Лебединский. – Минск : БГУ, 2008. – 535 с.
12. Овчинникова И. Г. О коннекционистском моделировании речевой деятельности / И. Г. Овчинникова // *СЛОВО ОТЗОВЕТСЯ: памяти Аллы Соломоновны Штерн и Леонида Вольковича Сахарного*. – Пермь, 2006. – С. 158–170.
13. Burton-Roberts N. On the grounding of syntax and the role of phonology in human cognition / N. Burton-Roberts // *Lingua*. – 2011. – № 121 (14). – P. 2089–2102.
14. Chomsky N. Reflections on Language / N. Chomsky. – New York : Pantheon, 1975. – 269 p.
15. Fodor J. A. The Language of Thought / J. A. Fodor. – Cambridge – Massachusetts : Harvard University Press, 1975. – 215 p.
16. Hale M. Phonology as cognition / M. Hale, C. Reiss // *Phonological Knowledge / N. Burton-Roberts et al. (Eds.)*. – Oxford : Oxford University Press, 2000. – P. 161–184.
17. Hebb D. O. The Organization of Behavior / D. O. Hebb. – New York : Wiley, 1949. – 335 p.
18. Hulst H. G. van der. Cognitive Phonology / H. G. van der Hulst // *Germania at alia. A linguistic webschrift for Hans den Besten on the occasion of his 55th birthday*, 2003. – P. 1–24.
19. Kotik V. On the role of the right cerebral hemisphere in speech of bilinguals / V. Kotik // *The Right hemisphere: Neurology and Neuropsychology / Ardila A. and Ostrosky F. (eds.)*. – New York : Gordon and Breach, 1984. – P. 227–240.
20. Kulikov V. Features, cues, and syllable structure in the acquisition of Russian palatalization by L2 American learners / V. Kulikov // *Achievements and perspectives in*

SLA of speech: New Sounds 2010 / Magdalena Wrembel, M. Kul and K. Dziubalska-Kolaczyk (eds.). – Frankfurt am Main : Peter Lang Verlag, 2011. – Vol. 1. – P. 193–204.

21. Lakoff G. Cognitive Phonology / G. Lakoff // Goldsmith-John (ed.). The Last Phonological Rule: Reflections on Constraints and Derivations. – Chicago : U. of Chicago P., 1993. – P. 117–145.

22. Lakoff G. The Neural Theory of Language / G. Lakoff // Ten Lectures on Cognitive Linguistics by George Lakoff / ed. by Yuan Gao and Thomas Fuyin Li. – Beijing: Foreign Language Teaching and Research Press, 2007. – P. 121–152.

References

1. Boldyrev N. N., Kulikov V.G. (2006). Dialektnye koncepty i kategorii [Dialect Concepts and Categories]. *Filologicheskie Nauki*, 3, 41–50. (in Russ.)

2. Vygotskij L.S. (1956). Myshlenie i rech' [Thinking and Speech]. M., Nauka, 385. (in Russ.)

3. Vygotskij L. S. (1983). Problemy razvitiya psihiki [Problems of Psychics Development]. V.3. *Sobranie sochinenij: V 6-ti t.* [Collected Works in 6 Volumes]. Ed. by A. M. Matjushkin. M., Pedagogik, 368. (in Russ.)

4. Zavyalova V.L. (2012). Interferencija zvukovyh sistem anglijskogo i vostochnyh jazykov [Interference of Sound Systems of English and Oriental Languages]. *Vestnik Rossijskogo universiteta družby narodov. Serija: Lingvistika*. M., 2, 94–101. (in Russ.)

5. Zhinkin N.I. (1982). Rech' kak provodnik informacii [Speech as a Conductor of Information]. M., Nauka, 157. (in Russ.)

6. Zhinkin N.I. (1998). O kodovyh perehodah vo vnutrennej rechi [On Code Switching in Inner Speech]. Zhinkin N.I. *Jazyk – rech' – tvorcestvo* [Language – Speech – Creativity]. M., Labirint, 146–162. (in Russ.)

7. Kotik B. S. (1992). Mezhpolusharnoe vzaimodejstvie u cheloveka [Interhemispheric Interaction in Humans]. Rostov-na-Donu, *Izd-vo Rostov. un-ta*, 173. (in Russ.)

8. Kotik-Fridgutet B. S. (1998). Sistemno-dinamicheskiy podhod po A.R. Lurija k afazii u bilingvov [Lurian Systemic-Dynamic Approach to Aphasia in Bilinguals] // *I Mezhdunarodnaja konferencija pamjati A.R. Lurija: Sb. dokl.* [Proceedings of the 1st International Conference in Memory of A.R. Luria] / ed by E. D. Homskaja, T. V. Ahutina. M., MGU, 231–236. (in Russ.)

9. Zavyalova V.L., Gorbenco, S.A., Bondarenko, L.P., Poljanskaja, M.A., Ischenko N.L. (2011). Korpus obrazcov anglijskoj rechi DV Rossii i stran ATR: Russian-Asian Corpus of English (RACE). Reg. number 2011620408. Programmy dlja EVM, bazy dannyh, topologii integral'nyh mikroshem» [Computer Programs, Databases, Topologies of Integral Microchips]. *RU OBPBT*, 3 (76). M., FGU FIPS, 630 (in Russ.)

10. Kulikov V. G. (2008). Formirovanie novyh fonologicheskikh kategorij v processe izuchenija inostrannogo jazyka: usvoenie amerikanskimi studentami palatalizacii v russkom jazyke [Forming New Phonological Categories in the Process of Learning a Foreign Language: Acquisition of Palatalization in the Russian Language by American Students]. 2-j *Mezhdunarodnyj kongress po kognitivnoj lingvistike* [2nd International Congress on Cognitive Linguistics]. Tambov, 822. (in Russ.)

11. Lebedinskij S. I. (2008). *Vosprijatie ustnoj nauchnoj rechi: strategii segmentacii zvuchashej rechi i identifikacii terminov: monografija* [Perception of Oral Scientific Speech: Strategies for Oral Speech Segmentation and Identification of Terms: Monograph]. Minsk, BGU, 535. (in Russ.)

12. Ovchinnikova I. G. (2006). O konnekcionistskom modelirovanii rechevoj dejatel'nosti [On Connectionist Modelling of Speech Activity]. *Slovo Otvovetsja: pamjati Ally Solomonovny Shtern i Leonida Vol'kovicha Saharnogo* [Word will Echo: in Memory of A.S. Shtern and L.V. Saharny]. Perm', Perm. un-t, 158–170. (in Russ.)

13. Burton-Roberts N. (2011). On the grounding of syntax and the role of phonology in human cognition. *Lingua*, 121 (14), 2089–2102.

14. Chomsky N. (1975). *Reflections on Language*. New York, Pantheon, 269.

15. Fodor J. A. (1975). *The Language of Thought*. Cambridge, Massachusetts, Harvard University Press, 215.

16. Hale M., Reiss C. (2000). Phonology as cognition. *Phonological Knowledge* / Burton-Roberts N. et al. (eds.). Oxford University Press, Oxford, 161–184.
17. Hebb D. O. (1949). *The Organization of Behavior*. Wiley, New York, 335.
18. Hulst H. G. van der. (2003). Cognitive Phonology. *Germania at alia*. A linguistic webschrift for Hans den Besten on the occasion of his 55th birthday, 1–24.
19. Kotik B. (1984). On the Role of the Right Cerebral Hemisphere in Speech of Bilinguals. *The Right hemisphere: Neurology and Neuropsychology*. Ardila, A. and Ostrosky, F. (eds.). New York, Gordon and Breach, 227–240.
20. Kulikov V. (2011). Features, cues, and syllable structure in the acquisition of Russian palatalization by L2 American learners. *Achievements and perspectives in SLA of speech: New Sounds 2010*. Magdalena Wrembel, M. Kul and K. Dziubalska-Kolaczyk (eds.), Vol. 1. Frankfurt am Main, Peter Lang Verlag, 193–204.
21. Lakoff G. (1993). Cognitive Phonology. Goldsmith-John (ed.). *The Last Phonological Rule: Reflections on Constraints and Derivations*. Chicago, U. of Chicago P., 117–145.
22. Lakoff G. (2007). *The Neural Theory of Language. Ten Lectures on Cognitive Linguistics* by George Lakoff. ed. by Yuan Gao and Thomas Fuyin Li. Beijing, Foreign Language Teaching and Research Press, 121–152.

ИСТОКИ ОСМЫСЛЕНИЯ ГЕНЕЗИСА АФРОАМЕРИКАНСКИХ ЭТНОФОРМ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА

Заграевская Татьяна Борисовна, кандидат филологических наук, докторант, Пятигорский государственный лингвистический университет, 357532, Россия, Ставропольский край, г. Пятигорск, пр. Калинина, д. 9, e-mail: zagraevskaya@yandex.ru.

В статье анализируются самые ранние интерпретации происхождения и эволюции афроамериканских этноформ английского языка – теории языкового смешения, креолизации, заимствования в условиях билингвизма, жаргонизации и др.

Ключевые слова: английский, афроамериканский, генезис, диалект, жаргонизация, заимствование, иммигрант, креолизация, смешение языков, этноформа.

SOURCES OF COMPREHENSION OF GENESIS OF AFRO-AMERICAN ETHNOFORMS OF THE ENGLISH LANGUAGE

Zagraevskaya Tatyana B., Cand.Phil.Sci., doctoral candidate, Pyatigorsk State Linguistic University, 357532, Russia, Stavropol region, Pyatigorsk, Kalinin av., 9, e-mail: zagraevskaya@yandex.ru.

The abstract discusses some of the earliest interpretations of the genesis and evolution of Afro-American ethnoforms of English – theories of language mixture, creolization, borrowing in bilingual conditions, jargonizing and others.

Key words: Afro-American, borrowing, creolization, dialect, English, ethnoform, genesis, immigrant, jargonization, language mixture.

Одним из первых зарубежных лингвистов, обратившихся к научным поискам истоков происхождения тех форм английского языка, которые мы обозначаем терминосочетаниями «афроэтносубязык» и «афроэтносоциолект», был Г. Шухардт. Еще в 1870 г. в пробной лекции в Лейпцигском университете, которая позднее была издана в виде брошюры «О классификации романских диалектов», ученый отмечал, что в Новый свет из Старого были завезены испанский, португальский, французский и английский языки, область распространения которых на американском континенте расширялась скачкообразно, по мере военных и культурных завоеваний. Такой процесс языкового распространения привел к тому, что эти языки в использовании их «цветными народами», метисами и привезенными туда неграми, а также в общении